

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.009-024

И. А. Исаев*

Пространства технологической власти: идея порядка (из истории идей)¹

Аннотация. Статья посвящена одной из фундаментальных проблем социальной науки — проблеме порядка. Когда социально обусловленный порядок начинает восприниматься как данность, происходит слияние его смыслов со смыслами, укорененными в космосе. Номос и космос начинают сосуществовать вместе. Порядок наделяется стабилизирующей силой, которая черпается из более мощного источника: космоизация предполагает отождествление этого осмысленного мира с миром как таковым.

Власть и закон в своих действиях направлены на создание и сохранение порядка как системы. В самой системе складывается структура формирования техники, направленная как к поддержанию существующего порядка, так и к его изменению. Техника, подобно некоей анонимной власти, господствует над обществом, однако и само общество делает себя зависимым от техники тем, что вообще решается ее применить. Рождается особое пространство технологической власти, в котором выражены актуальные определяющие его структуру влияния. Власть и право приобретают в этом контексте качественно новые черты.

Техника власти может пониматься как своеобразная «демократия», нормироваться в соответствии с ее конститутивными предпосылками и вновь получать свое давно утраченное моральное обоснование.

Ключевые слова: власть; закон; право; управление; техника власти; порядок; структура; система; дифференциация; иерархия; сеть; пространство; форма; контекст.

Для цитирования: Исаев И. А. Пространства технологической власти: идея порядка (из истории идей) // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 2. — С. 9—24. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.009-024.

Spaces of a Technological Power: The Idea of Order (from the History of Ideas)²

Igor A. Isaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
iaisaev@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to one of the fundamental problems of social science, namely: the problem of order. When a social order is taken for granted, it merges its meanings with the meanings rooted in cosmos. Nomos and cosmos begin to coexist. The order is endowed with a stabilizing force drawn from a more powerful source, i.e. cosmization implies the identification of this meaningful world with the world as such.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16124.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16124.

© Исаев И. А., 2020

* Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
iaisaev@msal.ru

The power and the law in their actions are aimed at creating and maintaining order as a system. The system itself develops the structure of technology formation aimed at both maintaining the existing order and changing it. Technology, as an anonymous power, dominates the society, but the society itself makes itself dependent on technology by deciding to apply technology. Thus, a special space of technological power emerges where actual influences determining its structure are expressed. The power and law acquire qualitatively new features in this context.

The technology of power can be understood as a kind of “democracy.” It can be normalized in accordance with its constitutional prerequisites and it can restore its long-lost moral justification.

Keywords: power; a law; law; administration; technology of power; order; structure; system; differentiation; hierarchy; network; space; form; context.

Cite as: Isayev IA. Prostranstva tekhnologicheskoy vlasti: ideya poryadka (iz istorii idey) [Spaces of a Technological Power : The Idea of Order (from the History of Ideas)]. *Lex russica*. 2020;73(2):9—24. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.009-024. (In Russ., abstract in Eng.).

Техника и власть: взаимопроникновение

Когда социально обусловленный порядок начинает восприниматься как данность, происходит слияние его смыслов со смыслами, укорененными в космосе. Номос и космос начинают сосуществовать вместе. Порядок тогда наделяется стабилизирующей силой, которая черпается из более мощного источника: космизация предполагает отождествление этого осмысленного мира с миром как таковым; в эпоху Нового времени уже изначально сакральная космизация сменяется научной и технической³.

Язык межличностных отношений, «вежливости» и «человеческой порядочности» например, заменяет более жестокий бесчувственный язык реальной политики. «Цивильность» в отношениях отворачивается от социальных структур и привычек, которые наполняли ее смыслом; она становится «техникой отмены социальной реальности, и правителей, и подданных, благодаря трансформации их лишь в проявления. Реальность стала проявлением вещи»⁴.

В обществе замкнутость всегда стремится к абсолюту: так, для государства характерна замкнутая граница. Общественный организм должен обладать устойчивыми механизмами для поглощения энергии и защищаться от агрессии, определяя границы, которые поддерживает и охраняет. Субъект, помещенный в объективную реальность, определяется его социальным статусом, ролью и функцией, а также локусом и местом, является личностью. Здесь он сталкивается с унифицирующим, нор-

мирующим абсолютным пространством, порождаемым техникой.

Социальные структуры достаточно жестко соотносятся со схемами восприятия, мышления и действия, т.е. определенным социальным генезисом. Математика и физика идентифицировали реальность не с субстанциями, а со связями, но социальная реальность есть сложный ансамбль таких невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу и по относительной позиции — сверху, снизу или посередине. Агенты распределены в этом пространстве в соответствии с принадлежащей им долей символического капитала (формы, которую принимают различные виды капитала — экономический, культурный, юридический), воспринимаемой и признаваемой как легитимная. Конструированные воззрения на мир сами, в свою очередь, участвуют в дальнейшем конструировании этого мира: система воззрений становится одновременно системой схем производства практик и схем восприятия и оценивания этих практик⁵.

Согласно Лейбницу, государство есть геометрическое место точек пересечения любых пространств и объективные властные отношения всегда стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти, для чего язык математики кажется наиболее лаконичным и адекватным. Язык техники, как и всякий другой язык, формирует собственную социальную реальность, реальность для себя. Человеку требуется только изучать этот язык, а значит, и принимать неизвестную для него реальность.

³ Бергер П. Священная завеса. М., 2019. С. 40—41.

⁴ См.: Бьюз Т. Цинизм и постмодерн. М., 2016. С. 85.

⁵ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. М., 1994. С. 185, 193.

Оформляемое рациональностью сконструированное пространство само порождает нормативность для включенных в него объектов. Отказываясь от трансцендентного источника власти, рациональный порядок представляется самодостаточным: он рождается как бы из ниоткуда и из ничего. Политическая раздробленность тогда определяется как независимость, мир сетевых сообществ представляется идеальной формой существования. (В определенном смысле независимые города итальянского Возрождения повторяли форму сосуществования античных полисов.) Подсознательная тяга к энтропии определенно идеализируется как автономия.

Александр Койре перечислил основные направления глобального процесса «научной революции». Это — разрушение космоса и геометризация пространства, т.е. замена концепции мира как законченного и упорядоченного целью, где пространственная структура воплощала иерархию ценности и совершенства концепцией неопределенной и даже бесконечной вселенной, уже не объединенной никакой естественной иерархией, но лишь единством основных элементов и законов; замена аристотелевской концепции пространства как дифференцированной совокупности мест этого мира представлением о евклидовой геометрии — по существу, бесконечной и однородной протяженности, которая начинает отождествляться с реальным пространством мира⁶.

Техника, подобно некоей анонимной власти, господствует над обществом, однако и само общество «способом, не поддающимся предварительному рациональному планированию», делает себя зависимым от техники тем, что вообще решается ее применить: «Исследование, нацеленное на достижение нового знания, становится непрогнозируемым в своих результатах именно тогда, когда оно стремится воплотить себя в виде техники»⁷.

Отрицание свойственно технике уже в силу факта ее существования... Технические символы вытесняют все иные символические культурные образования. Особенно наглядно это проявляется в условиях войны, когда техника демонстрирует свой неприкрыто властный характер. Мобилизация требует приспособления власт-

ных, духовных, культурных символов и структур к новому языку техники и ее требованиям. Власть пользуется техникой, т.е. приспосабливается к властному характеру, скрытому за техническими символами. Технике свойственна готовность к мобилизации⁸.

Староевропейская традиция заключала в себе понятие «включение в себя иных социальных систем» и такие признаки, как автаркия, самодостаточность и автономия. Городские (политические) системы Античности считались по-настоящему автаркическими. Однако начиная со Средневековья появилась нужда в больших территориях, хотя традиция все еще не содержала в себе адекватных представлений об экономической независимости. Поэтому понятие о мире в этих обществах концептуализировалось преимущественно в вещной форме: мир понимался как «соединение тел» или даже как «великое живое существо», содержащее в себе все остальные главные существа (Н. Луман). И гоббсовский Левиафан, и «Большой человек» Сведенборга являли такой образ.

Заполняя собой пространство, техника изменяет его характер и свойства, т.е. выстраивает новый порядок. Право закрепляет его, предлагая в процессе легализации соответствующие формы и техники. Пространство из сферы обитания техники становится ее составным элементом, уничтожающим собственные границы.

Такой мировой порядок предполагал, что по мере пространственного удаления возможность коммуникации обществ ослабляются. «Технологии... передавались от общества к обществу, но также была возможна и дифференциация значений. Зачастую технологии и формы знания получали свою зрелую форму лишь в процессе приспособления к условиям их восприятия». Политические государственные образования, которые формировались в ходе роста возможностей коммуникации, также вплоть до начала Нового времени сталкивались с проблемой того, «как обеспечить господство над более значительной территорией из единого центра, т.е. контролировать ее посредством коммуникации». Из этого проистекала тенденция отождествлять общества со сферами политического господства, т.е. определять его регионально⁹.

⁶ Светликова И. Мотив закона в романе А. Белого «Петербург» // Понятия. Идеи. Конструкции. М., 2019. С. 376.

⁷ Луман Н. Общество общества. М., 2004. С. 560.

⁸ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000. С. 250.

⁹ Луман Н. Общество общества. Мировое общество. М., 2004. С. 156—157.

То, что мы можем назвать запретами или ограничениями, налагаемыми на индивида на социальном уровне, есть в действительности система напряженностей и конфликтов, в которых общество должно утвердить себя или разрушиться: «Чтобы общество могло жить и развиваться, должны существовать центры противоречия и полюса напряженности»¹⁰.

Чтобы власть не оставалась голой техникой, способной математически рассчитать соотношение целей и средств, ей необходимо чувствовать встречное сопротивление. Только власть способна остановить власть, только сила способна победить силу. Механическая необходимость, голый детерминизм исключают волевой компонент власти. Поэтому и Левиафан только наполовину является машиной, наполовину оставаясь «сложным человеком».

Сопротивление означает наличие альтернативы, т.е. реальную или воображаемую свободу выбора. Оппозиционные движения апеллируют к справедливому решению. Их противник преимущественно обращается к идее порядка. Техника во всех ее формах в этом споре становится важным аргументом. Легальность технического оказывается весомее только оформляющейся легитимизации оппозиционных сил. Институты, таким образом, представляют собой организованное доверие, коллективную фикцию, которая признается реальностью и уже в силу этого становится реальностью.

Решение же, навязанное необходимостью, в политике не может быть справедливым. Между политикой и справедливостью существует неустранимое коренное противоречие, «хорошо проведенная политическая операция никогда не может породить чего-либо, кроме силы. Созданные в результате операции институты служат только орудиями или инструментами такой силы». Возможность справедливого или несправедливого политического решения зависит от момента, когда решение принимается, а не от концепции справедливости, доброй воли или политических взглядов¹¹.

Нововременной культ знания делал его основанием для принятия рациональных решений, которые, в свою очередь, формировали правильный порядок. Подобно часовому механизму, общество и космос работали по заведенному порядку (в соответствии с деистической

идеологией, высшая трансцендентная инстанция ограничивалась единственным актом запуска системы, которая в дальнейшем уже функционировала независимо от нее). Оценивать эту работу можно было только с точки зрения эффективности: в такой системе власть воспринимается как данность.

В XVI в. «механикой» называли машины и искусство их изготовления. Рост техники породил новое представление о роли машины и ее отношений с человеком. Рождался «технизм» как стиль мышления и даже мировоззрения. Менялся взгляд на материю и метод ее познания. Технизм и наука сходятся в одном исходном пункте — анализе природы. «Новый технизм разлагает цельный результат — единственно изначально желаемый — на частичные, из которых он рождается в процессе генезиса и, следовательно, на его “причины”. Или составляющие». Аналитика — настоящий язык техники: неспособная что-либо создавать без целей, установленных человеком, она способна разлагать и разрушать самостоятельно.

Техническая схематизация правомерной-неправомерной власти требует нормативной формы, поскольку в «этом медийном средстве на обоих полюсах его бинарной схемы речь идет о приписываемом действии»: ведь и неправомерная власть тоже является властью, непременно антиципируемой ее правомерным носителем. Распределение власти может даже в своей тенденции расстраивать правовой порядок, и «эта тенденция — если она соотносена с действием — вынуждает принимать решение, т.е. согласовывать позиции права и власти» (Н. Луман).

Феномен возникновения во властных цепях обратно направленной власти может быть упорядочен уже на основе дифференциации формальной и неформальной власти: но «бинарный схематизм» правомерной и неправомерной власти может быть применен лишь в сфере формальной власти. Однако и неформальная власть вполне может быть более сильной, чем формальная. Право, определяющее ситуацию как правовую или неправовую, тогда начинает ориентироваться на вторичный внутрисистемный схематизм формальной-неформальной власти¹². Сила заменяется правом, схематизацией и технологичностью власти.

¹⁰ Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2007. С. 331—334, 364.

¹¹ Эллюль Ж. Указ. соч. С. 331.

¹² Луман Н. Власть. М., 2001. С. 71—73.

Государство всегда рассматривалось как орган формулирования решений, принимаемых в соответствии с установленными по всем правилам процедурами. Теперь же процесс принятия решения уже не являлся системой только юридических процедур, как это было установлено конституциями: эти процедуры, правда, все еще существовали, но уже не имели особого значения. «Процесс принятия решений традиционно состоял из сложной смеси личных суждений, традиций, конфликтов между различными органами государства и давления со стороны внешних групп. Профилизация центров принятия решений стала правилом, действующим внутри политического организма». Централизация здесь менее зрима (что компенсировалось усилиями, значимость которых усиливалась введением в бюрократическую систему методов, которые почему-то называют «человеческими отношениями»), хотя власть безличного по-прежнему пребывала в стадии возрастания. Бюрократия только меняла свои формы и методы деятельности под давлением растущего индустриального общества: «Общественные отношения оказывались механизмом, который не столько смягчал, сколько подчеркивал авторитет и всемогущество администрации»¹³. Бюрократия появляется, когда появляются люди, отделенные от функции (Макс Вебер).

Но и в самой технике как форме влияния можно отметить явную императивную тенденцию: основными коммуникационными импульсами в технических системах являются «команда» и «решение». Этими сигналами обозначается рабочий цикл машины. Поступающие с пункта управления (который вынесен за пределы системы и располагается над нею) команды запускают, применяют или останавливают работу отдельной машины или целой сети.

Поскольку сама техника, по идее, должна была функционировать непрерывно, следствия сбоя в ее работе часто проявлялись в совершенно иных местах и могли даже умножаться лавинообразно. В этом случае контроль технических процессов уже не мог ограничиваться устранением брака, поэтому становилось все тяжелее организовывать этот контроль в форме прежнего иерархического надзора.

Зависимость от техники имела своим следствием то, что «структурное сцепление» физического лица и общества уже не охватывалось только понятием природы, место которой стали занимать парные понятия «энергия-работа», «энергия-экономика». «Техника сама определяет и изменяет границы преобразования энергии в работу». Неопределенность такого превращения вызывает серьезные риски для принимающих решения и оказывается извне исходящей опасности для тех, кого она затрагивает: в самом обществе теперь обнаруживается источник опасности и ему же он и приписывается¹⁴.

Функциональная дифференциация, разлагающая пространственные границы, и техническое развитие вели к образованию глобального общества в форме «мирового» общества. Уже «в эпоху паровых машин проблемой являлся не сам пар, а машина». Условия механического функционирования техники, а вместе с ними и производства энергии менялись: «Требуемая теперь космология уже просматривается в законе о возрастании энтропии». Применительно к теории общества и к понятию эволюции сопутствующей проблемой становится реальное воспроизводство самых невероятных структур¹⁵.

Эрнст Юнгер предупреждал, что о едином техническом пространстве нельзя говорить до тех пор, пока все точки, в которые проникают технические средства, не оказываются сплетенными в единую плотную сеть: «Единообразное оформление пространства принадлежит к характерным признакам любой империи, любого неоспоримого и несомненного господства, которое простирается до границ изведанного мира».

Границы технической экспансии определяются механизмом технического нормирования. Неограниченная экспансия может привести в итоге только к хаосу. (Так, по праву собственности границы устанавливаются «не только собственником, но и самими вещами», что обеспечивает необходимую устойчивость. «Технический коллектив», т.е. управляющие, менеджеры, игнорирует границы собственности, оставаясь только ее пользователем, его устремления беспредельны¹⁶. Машинное начало по своей сути не совпадает с началом правовым.)

¹³ Эллюль Ж. Указ. соч. С. 243.

¹⁴ Эллюль Ж. Указ. соч. С. 260.

¹⁵ Луман Н. Общество общества. С. 568—570.

¹⁶ См.: Юнгер Ф. Совершенство техники. СПб., 2002. С. 373—375.

Очевидно, что и техника претендует на создание собственной империи, империи машин. Эта империя не просто нейтральна к человеку, она безразлична к нему.

Среди мифов Просвещения долгое время живучей оставалась идея о победном и прогрессивном шествии техники. Техника, хотя сама и лишена ценности и якобы нейтральная, носит тем не менее служебный характер. Язык техники выступает под маской строгого рационализма, и этим языком может пользоваться любая власть, приспосабливаясь к властному характеру, скрытому за техническими символами: именно «в технике мы находим самое действенное... средство тотальной революции. Мы знаем, что у сферы уничтожения есть ее тайный центр, в котором берет начало будто бы хаотичный процесс подчинения старых сил. И это акт проявляется уже в том, что подчиняющийся вольно или невольно начинает говорить на новом языке»¹⁷. Техника манит кажущейся универсальностью и лаконизмом своего языка. Ее термины все глубже проникают в обычный человеческий лексикон. Многие заимствования из языков естественных наук через процессы эксплуатации техник становятся командными формулами для мыслительной деятельности и коммуникативных связей. Такие термины, как «команда», «форсирование», «напряжение», кажутся вполне обычными в отношениях машинно-человеческого симбиоза.

Центральный пункт управления в машинной системе аналогичен управленческому, командному, властному пункту в социальной системе. Положения, статус такого «пульта» суверенны и тяготеют к закону «единственно верного решения». Сетевые конфигурации технических организационных систем итогом своего развития предполагают создание некоего «глобального центра»: создается впечатление, что многополярность столь же неустойчивая система, как политическая система конфедеративного типа. Управляющий центр может появиться вновь и возвышаться над всей сетевой паутиной, но уже на более высоком уровне. Означает ли это рождение новой иерархии?

«Окончательно рассыпавшийся “суверенитет народа” (Ю. Хабермас) мог заново воплотиться только в бессубъектных, хотя и претенциозных формах коммуникации. Коммуникативно пре-

образованный суверенитет все еще заявляет о себе во власти публичных дискурсов, где открываются темы, важные для всего общества». Сами по себе эти дискурсы не властвуют, они только генерируют коммуникативную власть, которая все же не заменяет собой административную, а только может на нее повлиять, и это влияние сводится к наделению легитимностью или лишению ее. «Коммуникативная власть не может служить заменой систематическому своеволию публичных бюрократий». И если верховная власть народа исчезает, то «на символическом месте власти сохраняется тот вакуум, который существует еще с 1789 года, т.е. с момента революционного упразднения патерналистских форм господства»¹⁸. Техника торопится его заполнить.

* * *

Техника сама по себе есть совокупность методов, рационально обработанных и эффективных. Как социальное явление, она порождена машиной, которая при этом не является самой сущностью техники. Техническое общество — это прежде всего общество организации и порядка, который проникает во все области жизни: «Мир, созданный техникой, для человека невыносим подсознательно, но сознательно он не хочет никакого другого» (Жак Эллюль).

Феномен техники — опасная форма детерминации, где человек делается объектом калькуляций и манипуляций, и математические и политические науки только подчеркивают эту детерминированность и необходимость: сама реальность становится комбинацией детерминирующих факторов. В техническом мире только эффективность и остается единственным значимым критерием: ничто уже не принимается всерьез, если оно не является продуктом техники. «Человек, узнав, до какой степени он детерминирован в физической и химической сферах, нашел путь господства, который мог бы оказаться дорогой к его освобождению, и это техника. То, что он успешно совершил в этой области, он так и не смог совершить в социальной, экономической и политической сферах»¹⁹. Траектории и ритмы технологической революции могут вовсе не совпадать с динамикой политических процессов, которые ею вызваны, их синхронность — яв-

¹⁷ Юнгер Э. Указ. соч. С. 251—257.

¹⁸ Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. М., 2016. С. 39—40.

¹⁹ Эллюль Ж. Указ. соч. С. 359.

ление редкое, так же как и совпадение целей и достигнутых результатов.

Пространство унифицируется, покрываясь однообразными формами жизни, архитектуры, инфраструктур. Прежде дифференцированные формы политического также проявляют тенденции к конвергенции и взаимопроникновению. «Нейтральная» техника в этом процессе склонна проявлять глобалистскую тенденцию, распространяя свое влияние и его результаты на весь мир. Идея новой империи вновь возрождается в технологическом пространстве. Новый порядок устанавливается в жестокой борьбе старых жизненных форм с рождаемыми техникой формами. Посягая на всемирное значение, техническая власть сталкивается с социальными и политическими силами, еще не утратившими своего значения.

В условиях социального общения возрастание эффективности также принимает форму техники. В пограничном случае техника принимает форму автоматизации и «делает возможной селективную обработку комплексных обстоятельств, чем вызывает к жизни новую организацию возможностей мира», но, в отличие от машинной, социологически понимаемая техника не связана непосредственно с первичными факторами общественного изменения (производственными отношениями) и господством над природой²⁰.

Недостаточность и ограничения эффективности такого высокотехнизированного инструмента, как формальная власть, невозможно компенсировать с помощью только «мехатехнизированных» форм коммуникации. Из локального влияния, эффективного при интенсивной интеракции, невозможно получить эквивалент организационной, общественно значимой, технизированной власти: техника может быть дополнена только техникой. Эволюция техники воспринимается тогда как порождение невероятностей и их нормализация (Николас Луман)²¹.

Рациональному же мышлению свойственно некое самоограничение, представленное как лаконизм. Закон экономии энергии присущ как техническим, так и социальным процессам. И препятствием на этом пути является спонтанное нарастание пространства структур и институции. Иррациональность как тень сле-

дует за Ratio, заставляя его все более усиливать процессы абстрагирования и нормированности. Рождающееся из этого усложнение систем вызывает появление все новых неопределенностей: иерархия не смогла бы справиться с этим, а сетевые сообщества ведут к размыванию проблемы, выводя ее за рамки нормативного дискурса и формульной точности. Абстракция нехотя уступает место невероятностям. Социальная игра вполне регулируема, поскольку остается место закономерностей, где события происходят регулярным образом (П. Бурдьё).

Технический характер власти ослабляют определенные ограничения, накладываемые на процесс «генерализации ожиданий», он делает только вероятными более широкие возможности и свободу выбора внутри системы. Выявляется все более тесная зависимость поведения от строгих условий и ограничений: «аналогичным образом усиление власти приводит к обострению теоретических, организационных и технических проблем, связанных с принятием решения, ведь сильная власть непременно предстает в виде когнитивного решения». (Аскетический принцип, идущий еще от раннего христианства через средневековое монашество и протестантизм к аскезе «золотого фетиша», нарушает равновесие сил в человеке, укрепив некую отстраненность от мира в его существе. «Сама мировая война была... скорее следствием, чем причиной этого длящегося веками застоя инстинктов и их начинающегося бунта против зашедшего слишком далеко... аскетического рационализма этих эпох» (М. Шелер)²². Жизненные ценности, сами собой разрушающиеся в начале Нового времени, оказались «погребенными под интеллектом и механизмом», и для восстановления нового равновесия потребуется «слияние духа и влечения, идеи и действительности».)

«Техника власти» и «власть техники» не являются однозначными понятиями. В первом случае речь идет о совершенствовании приемов власти и управления, о высокой эффективности и продуманности принимаемых решений. Процесс целеполагания здесь очерчивает пределы и способы воздействия на реальность. Алгоритм упорядочивает время и пространство деятельности целеполагающего субъекта.

Во втором — указывается на безоглядную готовность действовать в соответствии с задан-

²⁰ Луман Н. Власть. С. 112.

²¹ Луман Н. Власть. С. 175.

²² Шелер М. Человек в эпоху уравнивания. Избранные труды. М., 1994. С. 112.

ной программой, на полное господство необходимости и подчинения ей самого субъекта, вынужденного приспособливаться. Со временем всё усложняющаяся техника сможет обойтись и без указывающего ей цели субъекта.

Высокий рационализм сильной власти заключается вовсе не в преследовании форсируемых и тем не менее всегда остающихся проблематичными хороших целей, но в том, что все большее число возможностей подвергается все большему числу ограничений. Рациональность как раз и состоит в этой когнитивной и онтологической связи возможностей и ограничений, а отнюдь не в степени эффективности реальных властных действий. Рост рациональности требует все более абстрактных критериев принятия решения. Данное обстоятельство и выявляет по-настоящему технический характер власти. В этом смысле техника власти может пониматься как своеобразная «демократия», нормироваться в соответствии с ее конститутивными предпосылками и вновь получать свое давно утраченное моральное обоснование.

Центр равновесия: «сердце машины»

Еще Дени Дидро предложил ввести в оборот понятие «динамическое равновесие». В этой ситуации политические общества «будут вынуждены теснить друг друга, действовать и реагировать друг на друга» и в ходе этой непрерывной флуктуации одни из них будут расширяться, другие — становиться меньше, а какие-то и вовсе исчезнут: зато «фанатизм и дух покорности, эти два источника мировых волнений, останутся позади».

Руссо развивает эту идею: силы, которые могли бы быть направлены индивидами друг против друга, тем самым отнимаются у них и по праву передаются учреждению, т.е. коллективной силе «властителя»: так вводится механизм, более не характеризующийся процессом грубой жизненной конкуренции. Для этого требуется вмешательство законодателя или «механика, который изобретает машину», сила законодательства противопоставляется «силе вещей». Решения, призванные регулировать силовые отношения, диктуются волей законодателя, а на языке физики выражаются уже не как причина, а как желаемый результат действия: законода-

тель — это «настройщик», ведь только тот и побеждает природу, кто ей повинуется.

В машинообразном процессе деятельности и управления все построено на искусственно создаваемом антагонизме. Работа машины строится на преодолении сопротивления (природных сил или социальных факторов) для достижения поставленных целей. Техническая организация в значительной степени связана с подавлением сопротивления. Даже «социальная справедливость сводится тогда к приспособлению к механическим закономерностям, которым по воле техники подчиняется человек»²³.

Но замысел, ввиду которого создается властвующая машина, все же неизбежно «употребляет силу закона природы ради некоторой поставленной цели» — в этом заключено настоящее искусство политического²⁴. В природе всегда существуют действие и реакция, однако гармония вовсе не является их необходимым и неизбежным следствием. Силы же, действующие в «моральном» мире, могут быть выражены и в уравнениях: здесь существует и некая сила, характеризующаяся той же универсальностью, что и сила притяжения, и эта сила — интерес. (Не ограниченные никем внутренние цели — таким был механизм становления суверенного или «полицейского» государства, руководства жестоким и устойчивым, безграничная регламентация, установленная априори. В настоящее же время в идеале формируется некий универсальный принцип, согласно которому никакое государство уже не должно возвышаться над другими с целью восстановить имперское единство.

Политический концепт сообщества может казаться относительно нейтральным, потому что в нем есть нечто от шифра и он может быть задействован любой из враждующих идеологий и востребован статистической экономической моделью социума. Здесь присущая политической идеологии «свобода от необходимости» скрыта за «мастерской жестокостью, читаемой в околполитической сфере»²⁵.

Но связь между этими механизмами: механизмом неограниченных целей, «полицейским государством», и механизмом ограниченных целей, «европейским балансом», — имеет целью и задачей усиление самого государства: каждое государство нацелено на собственное неограниченное усиление. Так возникает новая

²³ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 109.

²⁴ Цит. по: Старобринский Ш. Действие и реакция. СПб., 2008. С. 305—308.

²⁵ Бьюз Т. Указ. соч. С. 102, 112.

имперская ситуация и конфигурация европейского баланса. И уже концепция меркантилизма предполагала: то, что приобретает один, отбирается у другого, обогатиться можно лишь за счет других²⁶.)

Новое физическое мировоззрение XVII в., повлиявшее на самые разные сферы существования, в политических и метасоциальных отношениях породило идею политического равновесия (иллюстрацией этого является Вестфальское соглашение), в котором каждое государство определяется как «сила». Движения этих сил, как и сил природы, нейтральны по своему характеру до тех пор, пока им не придается значение с точки зрения каких-либо нравственных норм или законов. Тогда из «естественного» состояния, неопределенного и неустойчивого, общество переходит в «гражданское состояние», в котором отношения регулируются моральными и нормативными факторами. В сформированном таким образом «моральном мире, аналогичном миру физическому», устанавливающиеся правоотношения обеспечивают желаемое равновесие.

Благодаря эффекту действий и противодействий социальный механизм уравнивается, стабилизируется в некоем нестабильном динамическом равновесии. Государство, бывшее некогда символом абсолютизма и представлявшее субъекта, заинтересованного в таком представлении («государство — это я»), — внешнее проявление аппарата, в действительности оно скрывало поле борьбы, в которую обладателю абсолютной власти приходилось вмешиваться, чтобы поддерживать размежевания и напряженности, мобилизуя для этого энергию, порождаемую самим равновесием напряженностей: принцип вечной борьбы, возмущающей поле, воспроизводил структуры и иерархии, составляющие это поле.

Общая система представлений, консенсус способствует снижению роли прямого насилия и появлению системы институтов, которые воспринимаются как легитимные. Институты фиксируют, «консервируют» прежде стихийные процессы и столкновения противоборствующих сил. Они как бы переводят на технический, организационный язык все аффекты и напряжения, порождаемые социальной жизнью, превращают динамизм политического в статику социального. Беспорядок, создающий не-

определенность, заменяется нормативными представлениями о желаемом и необходимом устройстве. «Машина власти» нуждается в восстановлении порядка, обеспечивающего рост ее эффективности, устраняя для этого сбои в своей работе и напряжения.

Иерархическая структура предполагала наличие некоей высшей трансцендентной инстанции или базовой нормы. Процессы секуляризации происходили параллельно с технологическими нововведениями (и стимулировались ими), телеологическая интерпретация истории уступила место силовым идеям технического прогресса.

Усложняясь, техника все более отвлекается от собственно человеческих проблем, сосредотачиваясь на собственных. «Гонка вооружений» и войны — явления, свидетельствующие о выходе техники из-под контроля, и политики лишь воображают, что могут воздействовать на эти процессы. Современные войны превращались в войну машин. Производственный характер войны создает собственные правовые регламентации, лимиты и договоры. Политика подстраивается под требования войны, которую ведут машины, рождается биополитика, охватывающая своим влиянием не только судьбы людей, участвующих в войне, но все население в целом во всем жизненном многообразии. При этом прежние научные методы ведения войны (еще в XVIII в. предполагалось, что существует особое «право войны») превращаются в технические операции. Пределы применения насилия в «тотальной» войне исчезают вовсе. Механическое манипулирование общественным мнением всё подчиняет военным нуждам. «Нет ни одного государства, которому удалось бы совладать с этими процессами, так как во все государственные организации вторглась техническая организация и изнутри подрывает государственную власть. Человек не справляется с механическими законами, которые он привнес в движение. Механические законы сами управляют человеком»²⁷.

Прежде история хотя шла от одного срыва к другому и тем не менее не прекращалась. Этому было объяснение: «Благодать вновь и вновь возрождает и поднимает историю ввысь. Лишь вмешательство высших сил еще хранит историю от гибели». Но в истории сама она опирается на природу и вовсе не является

²⁶ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 74—75.

²⁷ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 273.

каким-то механическим «богом из машины» (О. Шпанн)²⁸. Сведение же всякого человеческого поведения и всякой органики исключительно к коммуникативным процессам, а также дальнейшее сведение всякой коммуникации к двоичному выбору предполагает не что иное, как сведение любого культурного и биологического факта к одному и тому же механизму порождения²⁹. «Свобода, как орудие и инструмент, подчиняется принципам, которые вполне применимы и к механическим устройствам». Современная наука и техника, власть над природой и обществом выдвинули на передний план не только формулу «свобода — ограничение», но и необходимость определения и проведения социальной политики, которая обеспечила бы максимальные преимущества при управлении современным взаимозависимым общественным аппаратом (С. Ниринг)³⁰.

Сам процесс формирования государства всегда происходил одновременно с формированием поля власти, понимаемого как пространство игры, в пределах которого различные силы борются за власть над государством. Только постепенно государство вписывается в пространство, которое еще не является тем национальным пространством, которым оно станет впоследствии, но уже представляет собой компетентность верховной власти. (В частности, всеобщий сбор налогов вносил свой вклад в объединение территории и формирование действительных (или представляющихся) государств как целостной территории, как реальности, объединенной подчинением одним и тем же обязательствам³¹.)

На своих первых этапах развития промышленная революция была вполне удовлетворена наличной структурой национальных государств с их суверенитетом. Дальнейшее развитие технического прогресса (и особенно его активизация в периоды мировых войн) потребовало изменения этого базового принципа. Политические структуры вынуждены были следовать за глобалистскими устремлениями техники.

В прежнем пространстве суверенитета власть всегда соединялась с определенной тер-

риторией: государство как бы «растекалось» по земной поверхности и отождествлялось с ней: тогда и возникло представление о политическом пространстве как некоей целостной территории. «Государство появляется как раз в тот момент, когда в системе рождается сила принятия решений... наделенная способностью решать за общество в целом, что есть справедливое и несправедливое, правомерное и неправомерное» (А. Шателе).

В организованной и закрытой системе анонимное знание, управляющее этой системой, вынуждено постоянно обращаться к авторитету, в котором сконцентрирована решимость. Государство же претворяет в жизнь свои решения исключительно на основе власти. Когда оно сформировано в достаточно крупный механизм, оно занимает самостоятельную этическую позицию и решительно провозглашает, что есть добро и что — зло³². Но ни о каком нейтралитете государства не могло идти и речи, его морально-этические оценки были сформулированы в действующих законах: отрываясь от общества и противостоя ему, государство свою политику превращает в настоящую политическую технику (это еще Макиавелли рекомендовал сделать своему «князю»). Социальная динамика обуславливается ростом власти, которая представляется нейтральной и индифферентной по отношению к социальному делению, но которая воплощает для господствующих трансцендентность закона и государства, возлагая на государство задачу по формированию гражданского общества.

Обобщая картины перехода от династического к бюрократическому государству, П. Бурдьё замечает: «Государство (безличное) стало разменной монетой абсолютизма, а король растворился в безличной сети долгого ряда доверителей и лиц, наделенных полномочиями, отвечающих перед вышестоящим лицом, от которого они получают свои полномочия и власть, а приказы, исходящие от него, они ратифицируют и контролируют в процессе их выполнения»³³.

Представление об изначальной организованности («машина» не может появиться

²⁸ Шпанн О. *Философия истории*. СПб., 2000. С. 333.

²⁹ См.: Эко У. *Отсутствующая структура*. М., 1998. С. 65.

³⁰ Ниринг С. *Свобода, обещания и угроза*. М., 1966. С. 109.

³¹ Бурдьё П. *Дух государства* // *Социология социального пространства*. М., 2000. С. 232.

³² Цит. по: Эллюль Ж. *Указ. соч.* С. 137, 154.

³³ Бурдьё П. *От «королевского дома» к государственному интересу* // *Социология социального пространства*. С. 281.

в разобранном, неорганизованном состоянии) позволяет скрыть различие субъекта и закона в социальном пространстве, отказываясь связывать происхождение этого пространства с человеческой волей или трансцендентным принципом. Тем самым «организованность стирает следы социального субъекта и... делает невидимым общий антагонизм господства и подчинения... изображая систему операций, дающих определения деятелям и их отношениям». Система возникает как чистая конструкция, общая операция, поддерживающая саму себя³⁴.

Абсолютные монархии не были сильными государствами, абсолютизм был формой, с помощью которой слабые государства стремились стать сильными. В условиях индустриальной революции сильное государство должно было обзавестись мощной бюрократической аппаратурой и достаточной степенью социальной легитимности. Экономический рост и бюрократизация госаппарата и управления были параллельными процессами. В сети силовых взаимозависимостей и силовых алгоритмов рождается социальный «аппарат, который можно было бы назвать опасным и даже страшным изобретением, будь это последнее только плодом усилий некоего единственного социального инженера». Однако этот поистине «королевский механизм», дающий полноту власти одному человеку, выступающему в качестве высшего координатора и суверена, формируется постепенно и без всякого плана, в ходе «естественных» социальных процессов.

Возникновение у центрального правителя в дифференцированном обществе относительно большого пространства решений было связано с тем, что «данный правитель оказывался в точке пересечения социальных противоречий и был способен вести свою игру, используя противоположные интересы и амбиции и тем самым удерживая их в равновесии»³⁵.

Техника разрушает иерархию, но не отвергает систему. Система предполагает принуждение, сеть декларирует свободу. Но уже в системе принуждение мотивировано необходимостью как внесистемным фактором и одновременно целью. Трансцендентное формирует целостность. Сеть же осмысленно избегает единства, которое она не желает полагать сво-

ей целью. Поэтому важна не сама по себе сеть, т.е. готовый продукт и форма, но процесс попадания в нее — общение, создающее связи между людьми и группами людей. Сети возникают, когда люди пытаются изменить общество: «каково бы ни было их дело, цели, верования, каков бы ни был характер движения... всегда, когда люди организуются ради изменения какого-либо аспекта общественной жизни, возникает не бюрократическая, но весьма эффективная форма организационной структуры», где каждый индивидум в сети представляет собой ее «центр»³⁶.

Гоббс одним из первых в политической теории Нового времени отказывается от естественной генеалогии государства, заменяя ее договором. Подвластные добровольно и по неизвестным мотивам (в самом общем виде речь идет о безопасности) подчиняются государству-машине. При этом сами они выступают как некие абстракции, т.е. взаимозаменяемые детали — по-другому машина не может быть сконструирована. В плане же юридическом такой субъект оказывается одновременно в сфере как частного, так и публичного.

Принцип генеалогической легитимации, некогда обеспеченный кровнородственными связями, был соответственно выражен социальной мифологией «двух тел короля», символически обозначившей превосходство институции над личностью и властью, лишь временно ею воплощенной в политической жизни. Король олицетворял живой «дом», уполномоченный осуществлять династическую политику и обеспечивающий особого типа стратегии воспроизводства власти. «Наделенный властью дуалистической природы, которая ставила его вне “всех остальных князей, его соперников”, сочетая суверенитет (римское право) с властью сюзерена, что позволяло ему монархически пользоваться феодальной логикой, король занимал положение, отличающее его от других и придающее его окружению дополнительные отличия и прерогативы, что само по себе обеспечивало накопление символического капитала»: он с полным основанием мог считать себя королем, поскольку другие верили, что он им является. Кроме того, король оказывался в удобной центральной позиции, располагая наиболее полной ин-

³⁴ Лефорт П. Формы истории. СПб., 2007. С. 309—310.

³⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. СПб., 2002. Т. 2. С. 168—169.

³⁶ Нейсбит Д. Мегатренды. М., 2003. С. 281.

формацией, что позволяло ему выступать еще и в функции арбитра³⁷: концентрируя в своих руках различные формы власти, он перераспределял их в персонифицированном виде, что способствовало возрастанию личной привязанности подчиненных.

Право не является справедливым только потому, что оно выражает «общую» волю народа. Несправедливый закон, даже если он и выражает такую волю, не является настоящим законом (Ж. Маритен). Но закон и необязательно должен быть справедливым, чтобы иметь силу закона: суверенитет был выше закона морали: история подходит к своему концу, когда «суверенитет абстрактной сущности государства был заменен суверенитетом монарха, а суверенитет государства смешался с суверенитетом нации и народа».

Если общество располагает сразу и одновременно всеми своими правилами — религиозными, политическими, юридическими, то завоевание им природы осуществляется постепенно. Закон обладает силой уже до того, как становится известен объект его приложения. Это неравновесие делает возможным революционные изменения, которые требуют перестройки экономического и политического целого в зависимости от конкретной сложившейся ситуации.

Жиль Делиз полагает, что имеют место две ошибки в логике технологической революции. «Ошибка реформизма или технократии, нацеленных на последовательную и частичную реорганизацию социальных отношений, согласно ритму технических достижений; и ошибка тоталитаризма, стремящегося подчинить тотальному охвату все, что вообще поддается означиванию и подчинению согласно режиму того социального целого, что существует на данный момент. Вот почему технократ — естественный друг диктатора». Революция располагается в зазоре, отделяющем технический прогресс от социального целого и вписывающем сюда свою мечту о перманентной революции³⁸.

Суверенитет современного тоталитарного государства — это властелин как добра, так и зла, жизни и смерти. Справедливо здесь только то, что служит стимулом для самого суверена, будь то народ, или государство, или партия. Власть суверенного государства над политиче-

ским обществом или над народом тем более неоспорима, что само государство принимают за политическое общество, или персонификацию народа. Следуя внутренней логике понятия «суверенитет», государство стремится к тоталитаризму³⁹: «два понятия — “суверенитет” и “абсолютизм” — выкованы на одной наковальне. И оба их, как полагал Ж. Маритен, следует выбросить». Позиция не бесспорная.

* * *

Каждому обществу свойственна «множественность центров, сцепленных друг с другом». Э. Шилз замечает: «Трансцендентный центр не может стать известен человеку, если он не обладает неким земным соответствием, находящимся в согласии с земным же центром власти и господства... Легитимация центра достигается согласованием его с некоторыми фундаментальными нормами, присущими космическому или природному порядку либо предписанными верховной трансцендентной властью. Центр через своих функционеров и институты распределяет свой идеал в мире». Со временем функционирование и нормативность справедливого начинают подменять собой прежние волюнтаристские действия центра: иерархии размываются...

Находящийся в центре правитель — какой бы титул он ни носил — а также и все иные лица, осуществляющие социальную монополию на применение насилия, становились функционерами, входя «в целостную сеть взаимосвязей общества, характеризуемого дифференциацией функций»: их функциональная зависимость от носителей других функций была столь значительной, что получила ясное и четкое выражение в социальной организации. Функциональность порождала особую технику власти. (Утрата связи между статусом и властной функцией приводила к успешному производству символов и знаков, которые стремились превратить в реальность. Две сосуществовавших реальности («внешняя» и «внутренняя») позволяют Хайдеггеру разделять позднюю технику и «сущность техники».)

Одновременно росла функциональная зависимость господина от его слуг или подданных, т.е. более широких слоев, и это вело к переходу административной власти к ситуации обоб-

³⁷ Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу. С. 259—261.

³⁸ Делиз Ж. Логика смысла. М., 2001. С. 71.

³⁹ Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 53—55.

ществления, т.е. уничтожению централизованной монополии, к децентрализованной и менее ориентированной форме монополии. (На уровне экономической главенствующее место стало отводиться уже не субстанционализму земли, а функционализму денег. При этом крупная централизованная монополия не распадалась на множество мелких, но сама постепенно превращалась в инструмент управления функционально дифференцированного общества в целом, т.е. центральный орган того образования, которое мы называем «государством»⁴⁰.

Центральный орган — это всего лишь совокупность функционеров, координаторов и регуляторов общественной жизни, он не должен был обязательно приобретать определенную административную власть: с прогрессом централизации и ужесточением контроля над всем ходом дел в обществе, осуществляемых стабильным действующим центром, только укреплялось разделение на правящих и управляемых. Административная власть и пространство решений социального центра на определенном этапе становления оказывались столь значительными, что можно было говорить о господстве находящегося в центре государства. (В девятой главе «Государя» Макиавелли утверждает: «Ибо нет города, где не обособились два этих начала, знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении: столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо беззаконием, либо беззаконием, либо свободой».)

Но в эпоху модерна при всей централизации власть в самых централизованных институтах начинает разделяться и дифференцироваться в такой мере, что трудно уже однозначно установить, кто здесь правитель, а кто — управляемый. Меняется и само поле решений, связанное с центральными функциями: иногда оно сокращается, от чего, однако, централизация не уменьшается и значение центрального органа не ослабевает. (Норберт Элиас замечает, что для центрального органа управления значимы две характеристики: «все функции в рамках сети взаимодействий между людьми и та социальная сила, что всегда связана с данной функцией. То, что мы называем “господством”, в обществе с высоким уровнем дифференциации есть не что иное, как особая социальная

сила, которой наделены только определенные функции»⁴¹. Определенный механизм взаимодействия может вести как к росту, так и к падению социальной силы центрального органа управления.)

Когда общество рассматривается в качестве уравновешенной системы, его сравнительно четкие границы обеспечивают в течение достаточно длительного времени само это равновесие, возникающее «во внутренних кругах власти, и его поддержку или передающуюся через поток коммуникаций, или через обмен между подсистемами».

Формы построения политического мирового пространства часто принимали образ круга или сферы. Имперские власти находили в этих формах свою эстетику. Внешние очертания империи и космоса рождались из круга: «вся теология расположения в круге» (Н. Кузанский). Несвоевременное политико-государственное мышление восприняло от средневековой метафизики представление о всемогущей трансценденции в форме шара, центр которого везде, а его окружность — нигде. (Виртуальное пространство кибернетических медиа остается модернизированным внешним, которое уже не представляет в формах божественного интерьера.) Уже Ламетри полагал, что в природе машины кроется возможность удовлетворения человеческой потребности в свободе: человек выходит из своего замкнутого шарообразного пространства в открытый мир иного и непознанного.

(Фигура шара («державы»), занимавшая внимание политически мыслящих людей от кардинала Николая Кузанского до консула Сийеса, постоянно напоминала не только о его идеальной платонической завершенности, но и о неизменной равноудаленности всех точек его поверхности от центра: напрашивалась аналогия с демократическим мифом о равенстве. И в механике шару отводилась важнейшая роль неподвижного двигателя.)

Легитимность же в этой ситуации — это только некоторый непрочный перевес господства над порождаемым им же сопротивлением: «Из всех ситуаций ситуация равновесия наименее правдоподобна, это скорее редкий случай, чем правило, и равновесие вряд ли достигается, если эту случайность возводят в ранг основной посылки теории: диалектика господ-

⁴⁰ Элиас Н. Указ. соч. С. 157.

⁴¹ Элиас Н. Указ. соч. С. 159—160.

ства и сопротивления здесь определяет ритм и направленность изменений»⁴².

«Равновесие» — термин, обозначающий лишь собственно техническую сторону проблемы: сама история определяет соотношение напряжений, возникающих между крупнейшими институтами и между политическими силами. Термин также указывает на то, что для сохранения состояния неопределенности, исключающего гегемонию какой-нибудь одной силы, эти напряжения должны так или иначе уравновешивать друг друга: «напряжения, имеющие место внутри государства, не тождественны тем силам, которые направлены вовне и воздействуют на систему отношений между отдельными государствами»⁴³. Равновесие всегда есть согласие минимум двух сил, движение — результат альтернативного преобладания: «Сила любит слабость, которая ее поддерживает, добро любит очевидное зло, которое прославляет его... Тот, кто дает, получает, и тот, кто получает, дает: движение — это непрерывный обмен» (Элифас Леви). Только теперь это не личный, а безличный, государственный обмен.

Организованность — важнейший принцип техницизма и признак технической системы. Идея организации неразрывно связана с представлением о наличии центра, из которого происходит общественная жизнь и который даже в случае своей миграции из одной ее сферы в другую сохраняет свою роль хранителя власти и знания. «Сеть организаций выявляет, что ничто не теряется в процессе социализации, предполагающем перенос практик в социальном дискурсе вовне», тождество власти самой себе при смене правящих инстанций делает очевидным источник нормы⁴⁴.

Там, где правящая сила исходит из одного центра, для нее не может быть никакого абсолютного внешнего, ни одной потерянной точки, которая могла бы находиться снаружи: центри-

рованное целое подобно «черной дыре» космоса, оно все втягивает вовнутрь, соотнося любое место в пространстве с собой как центром: так и «тотальность шара» как символ целостности никогда не представляет собой всего лишь неподвижную тотальную глыбу — она наполнена живым взаимодействием центра и коррелирующих с ним многочисленных эпицентральных точек». Целое — это то, что обладает способностью тратить и накапливать⁴⁵. Центр — это ментальный инструмент, позволяющий упростить хаос явлений и восприятий. («Искусственный интеллект облегчит задачу управления сложностью: кибернетическое общество может снизить нашу зависимость от мифологии центра; его интеграция будет обеспечена распределенными системами взаимосвязанных систем коммуникации»⁴⁶: кибернетическое общество, как кажется, в состоянии снять традиционную оппозицию «центр — периферия»).

Старые общества были ориентированы строго иерархически, с четким различием центра и периферии. Им соответствовал и мировой порядок, который предусматривал ранговую упорядоченность и центр. Форма дифференциации современного общества потребовала отказаться от этих структурных принципов: новый мир стал представлять собой «коррелят оставления операций» (Н. Луман). Более старые общества на основе формы своей дифференциации предполагали сложную систему социальных статусов и позиций, поэтому и мир в целом воспринимался ими как комплексная совокупность «осязаемых» вещей.

Индивидуализм Нового времени и тематизация свободы в XIX в. дали толчок к формированию новых представлений о мировом обществе: современное общество уже способно изменять себя лишь самостоятельно, представляя самодостаточный порядок и без обращения к каким-либо трансцендентным инстанциям⁴⁷.

⁴² Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002. С. 411—413.

⁴³ Шпанн О. Указ. соч. С. 250—251.

⁴⁴ Лефорт К. Формы истории. СПб., 2007. С. 310.

⁴⁵ Слотердайк П. Сферы. СПб., 2007. С. 113—114.

⁴⁶ Цит. по: Каспэ С. Центры и иерархии. М., 2008. С. 19.

⁴⁷ Луман Н. Общество общества. Мировое общество. С. 164.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бергер П. Священная завеса. — М., 2019.
2. Бурдьё П. Дух государства // Социология социального пространства. — М., 2000.
3. Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу // Социология социального пространства. — М., 2000.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. — М., 1994.
5. Бьюз Т. Цинизм и постмодерн. — М., 2016.
6. Дарендорф Р. Тропы из утопии. — М., 2002.
7. Делиз Ж. Логика смысла. — М., 2001.
8. Каспэ С. Центры и иерархии. — М., 2008.
9. Лефорт К. Формы истории. — СПб., 2007.
10. Луман Н. Власть. — М., 2001.
11. Луман Н. Общество общества. — М., 2004.
12. Луман Н. Общество общества. Мировое общество. — М., 2004.
13. Маритен Ж. Человек и государство. — М., 2000.
14. Нейсбит Д. Мегатренды. — М., 2003.
15. Ниринг С. Свобода, обещания и угроза. — М., 1966.
16. Светликова И. Мотив закона в романе А. Белого «Петербург» // Понятия. Идеи. Конструкции. — М., 2019.
17. Слотердаик П. Сферы. — СПб., 2007.
18. Старобринский Ш. Действие и реакция. — СПб., 2008.
19. Фуко М. Рождение биополитики. — СПб., 2010.
20. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. — М., 2016.
21. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания. Избранные труды. — М., 1994.
22. Шпанн О. Философия истории. — СПб., 2000.
23. Эко У. Отсутствующая структура. — М., 1998.
24. Элиас Н. О процессе цивилизации. — СПб., 2002. — Т. 2.
25. Эллюль Ж. Политическая иллюзия. — М., 2007.
26. Юнгер Ф. Совершенство техники. — СПб., 2002.
27. Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. — СПб., 2000.

Материал поступил в редакцию 29 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Berger P. Svyashchennaya zavesa [A Sacred Veil]. Moscow; 2019. (In Russ.)
2. Bourdieu P. Dukh gosudarstva [The Spirit of the State]. In: Bourdieu P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of a Social Space]. Moscow; 2000. (In Russ.)
3. Bourdieu P. Ot «korolevskogo doma» k gosudarstvennomu interesu [From the “royal house” to the state interest]. In: Bourdieu P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of a Social Space]. Moscow; 2000. (In Russ.)
4. Bourdieu P. Sotsialnoe prostranstvo i simvolicheskaya vlast [A social space and symbolic power]. In: Bourdieu P. Nachala [Beginnings]. Moscow; 1994. (In Russ.)
5. Byuz T. Tsinizm i postmodern [Cynicism and postmodern]. Moscow; 2016. (In Russ.)
6. Darendorf R. Tropy iz utopii [Trails from utopia]. Moscow; 2002. (In Russ.)
7. Deliz J. Logika smysla [Logic of meaning]. Moscow; 2001. (In Russ.)
8. Kaspe S. Tsentry i ierarkhii [Centers and Hierarchies]. Moscow; 2008. (In Russ.)
9. Lefort K. Formy istorii [Forms of history]. St. Petersburg; 2007. (In Russ.)
10. Luman N. Vlast [Power]. Moscow; 2001. (In Russ.)
11. Luman N. Obshchestvo obshchestva [The society of the society]. Moscow; 2004. (In Russ.)
12. Luman N. Obshchestvo obshchestva. Mirovoe obshchestvo [The society of the society. The world society]. Moscow; 2004. (In Russ.)

13. Mariten J. Chelovek i gosudarstvo [the Man and the State]. Moscow; 2000. (In Russ.)
14. Neysbit D. Megatrendy [Megatrends]. Moscow; 2003. (In Russ.)
15. Niring S. Svoboda, obeshchaniya i ugroza [Freedom, promises and threat]. Moscow; 1966. (In Russ.)
16. Svetlikova I. Motiv zakona v romane A. Belogo «Peterburg» [The motive of the law in the novel by A. Belyi "Petersburg"]. In: Svetlikova I. Ponyatiya. Idei. Konstruktsii [Concepts. Ideas. Constructions]. Moscow; 2019. (In Russ.)
17. Sloterdijk P. Sfery [Spheres]. St. Petersburg; 2007. (In Russ.)
18. Starobinskiy Sh. Deystvie i reaktsiya [An action and reaction]. St. Petersburg; 2008. (In Russ.)
19. Foucault M. Rozhdenie biopolitiki [The birth of biopolitics]. St. Petersburg; 2010. (In Russ.)
20. Habermas Yu. Strukturnye izmeneniya publichnoy sfery [Structural changes of the public field]. Moscow; 2016. (In Russ.)
21. Sheler M. Chelovek v epokhu uravnivaniya. Izbrannye trudy [Man in the age of equalization. Selected works]. Moscow; 1994. (In Russ.)
22. Spann O. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. St. Petersburg; 2000. (In Russ.)
23. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura [An absent structure]. Moscow; 1998. (In Russ.)
24. Elias N. O protsesse tsivilizatsii [On the process of civilization]. Vol. 2. St. Petersburg; 2002.
25. Ellyul J. Politicheskaya illyuziya [Political illusion]. Moscow; 2007. (In Russ.)
26. Yunger F. Sovershenstvo tekhniki [Perfection of technique]. St. Petersburg; 2002. (In Russ.)
27. Yunger E. Rabochiy, gospodstvo i geshtalt [A Worker, Domination and Gestalt]. St. Petersburg; 2000. (In Russ.)